

Искусство

О Н ЛЮБИТ до выхода на сцену поглядеть в зал. Рассмотреть лица зрителей. Пофантазировать: «Ну, эти двое — явно посетители «модных зрелищ». А эти реально в Театр сатиры, но не достали билетов и завернули к нам... Стоп, а вот эти — «мои»! Им можно будет послать со сцены флюиды. Эти шли именно на наш спектакль, к нам...»

Актёр разглядывает зрителей. Но ведь и мы его, актёра, тоже разглядываем. Каков он, Ростислав Янович Плятт — человек «с тысячей лиц»? Нелепый холостяк из фильма «Подкидыш» — и наглейший тип Бубенцов в кинокомедии «Весна». Трагический Барклей Купер из спектакля «Дальше — тишина» — и любопытный Слононок с ломаным баском в одноимённой радиосказке. Элегантный ведущий телевизионных «гостиных» — и остроумнейший участник актёрских «капустников»... Вот уж, действительно, «банка с сюрпризом», как обмолвилась о нём Вера Петровна Марецкая, многолетняя партнерша Плятта.

Его актёрская судьба, его герои давно разложены, как по полочкам, по книгам, статьям, ячеек нашей памяти. Оттого при встрече с Пляттом теряешься — о чем еще спрашивать? Так и тянет начать рассказывать за него: «Учился в девятой школе МОНО имени Томаса Эдисона. Той, что в Старо-Конюшенном переулке на Арбате. Раз сыграл в школьном спектакле старого толстого генерала...»

Ростислав Янович слушает, кивает:

— Да-да, все так и было. Ощутил тогда такое наслаждение! Играть любят все дети, это естественно. Но когда я увидел себя четырнадцатилетнего — с плешью! мясистым носом! — испытал ни с чем не сравнимый восторг: значит, из меня можно сделать кого угодно! И к моменту окончания средней школы уже твердо знал, кем буду...

Дальнейшие события описаны его учителем и наставником Юрием Александровичем Завадским: «Осенью 1926 года он пришел экзаменоваться в Художественный театр к В. В. Луцкому. Семнадцатилетнего Плятта в театр не приняли, но, вероятно, в этом долговизом и нескладном парне чувствовалось нечто такое, что заставило Е. С. Телешеву вызвать меня в фойе перед репетицией «Женитьбы Фигаро», которую вот-вот должен был начать Станиславский, и сказать: «Юра, к вам хочет поступить молодой человек, который вырастет выше вас»...

— Ростислав Янович, а как дальше складывалась жизнь?

— Ну, если разбираться в ней поэтапно, то приход в театр-студию Завадского стал этапом самым первым — периодом «театрального баловства». Увлекался разными «харями», старался быть до того на себя непохожим, чтобы никто на сцене не узнавал, даже мать родная. Ту же привичку потом по возможности тащил в кино.

Закончился этот период мужания, вступления в театр с переездом нашей труппы в Ростов-на-Дону. В грандиозном здании, куда нас определили, играть было мукой: ничего не видно и не слышно. Но именно здесь молодой театр вышел на широкого зрителя, прочно встал на ноги. Я здесь сыграл одну из самых любимых своих ролей — фон Ранкена в «Днях нашей жизни» Леонида Андреева. Как бы сказать поскромнее... впервые пришло ощущение мастерства. Правда, сделана была роль не моими актёрскими ресурсами, а по подсказке Завадского: он предложил для моего прохвоста, покупающего любовь дочери друга, неожиданный грим. Этакий детский доктор — аккуратенький, румяный, прилизанный. И у меня молниеносно заработала фантазия. Мне вообще важно, как я загримирован, причёсан, а если обращаю к зрителям «от себя» — то как одет, выбрит ли тщательно. Когда перебираю свои фотографии, убеждаюсь лишний раз — все удачно связано с верно найденным физическим самочувствием в роли. Меня огорчает, что в современном театре увлечение гримом сошло на нет: это обедняет сцену.

— Вот вы заговорили о любимой роли. Обычно актёры их называют не любят...

— Нет, я называю... три. Первая — фон Ранкен, о нем уже сказано. Затем Аркадий Бурмин в пьесе Константина Симонова «Парень из нашего города». Тоже этап — в том смысле, что за десять лет работы на сцене это была первая моя положительная роль. Помогло, что играл ее в Театре имени Ленинско-

го комсомола: был свободен от иронических глаз товарищей, не было набойки «отрицательного». Ну, и роль прелестная... Потом еще герой чеховского рассказа «Тапер»; жаль, инсценировка скоро сошла со сцены. Вообще Чехов — мой любимый писатель...

— Но это работы давние, а...

— Сегодняшние? Все они для меня интересны, все играю с удовольствием: «Шторм», «Дальше — тишина», «На полпути к вершине», «Тема с вариациями»... «Братья Карамазовы». После вереницы положительных героев и в мерзость Федора Павловича «погрузиться» приятно — для сравнения. Очень я, Карамазов, отвратителен. Как считаете? Не очень? Так я и знал. Но ведь и понять его хотелось...

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

РОСТИСЛАВ
ПЛЯТТ

А вообще я судьбе благодарен: жизнь складно сложилась. Мне везло — на роли, на людей. С Завадским почти полвека проработали. Полвека с одним и тем же режиссером! У меня один интервьюер спросил как-то: «И не скучно было?» Я сказал: «Да это счастье! Достигнуто творческое взаимопонимание». И партнеры — все время улыбки судьбы! С Дмитрием Орловым встречался, интереснейшая фигура. А Марецкая! Раневская! Любовь Орлова! Просто на зависть мужской половине других театров три великолепнейшие актрисы собрались в моем «гареме»... А Осип Наумович Абдулов! И на концертной эстраде с ним встречались, и на радио: туда я в молодости попал — подработать хотел. Поскольку Абдулов родился, по моему, раньше, чем радио, он меня сосватал в дикторы. Сейчас вот жена моя — диктор, так что делюсь воспоминаниями...

И вот еще в чем мое актёрское счастье: не было мучительных пауз в работе, творческого голода, пропаданий — всегда при деле. Когда плохо играл, тоже везло — либо рецензий на наш спектакль не было, либо меня там не упоминали. Так что «грешил» незаметно.

— У вас — провалы?

— Три проваленные роли! Утешение одно: дублиры были еще хуже. В ростовский период, к примеру, начисто «кугробил» Болинброка в «Стакане воды». Меня до сих пор, как язва, мучит этот несыгранный Болингброк... Еще было «Горе от ума». Чацкого играл Завадский, так что Скалозуба решили взять подлиннее. Кто ж, кроме меня? Все мне здесь было чуждо — и собственный размер (мне еще котурны приставили), и голос, который вроде не мой... Ну, и спектакль «Моел», там у нас у всех были «зоологические» характеристики. Так я, готовя роль нотариуса Вольтора, в зоопарке пропадаю, все на ястреба смотрю. Видеть с тех пор эту птицу не могу...

Но главный кошмар жизни — это когда роль «не идет». Процесс работы мучителен, проклинаю жизнь, небо, которое кажется серым, лю-

дей, которые становятся несносными... Зато когда роль получается — небо голубое, люди, как ангелы! Я это состояние всегда с родами сравниваю. Часто слышишь, как кто-то из коллег рассказывает: «Работаю над ролью так-то...» Слушаю и думаю: врёт! Потому что это не-рас-ска-зы-ва-е-мо! И объясняется формулой, которая вроде бы уж в зубах навязала: «Талант плюс труд...»

— А есть что-то несбывшееся?

— Знаете, нет! Ну, мечтал там о каких-то ролях. Хотел в свое время сыграть Дон Кихота — но так бывает с каждым длинным тощим актёром. Одержим этой мечтой не был. И потом, мне кажется, Дон Кихот — все же не переложимый на язык сцены образ.

— В чем, по-вашему, смысл актёрской профессии?

— Рискую оказаться банальным, но... нести людям счастье и добро. Другой формулировки нет. Вот играю мы с Фаиной Георгиевной Раневской спектакль «Дальше — тишина». И бываем в полном восторге, когда после финала сцену окружают молодые, явно растроганные люди. Думаешь: мы же революцию в душах произвели! В наш-то век

толкуем о романтической любви — и каков отклик! Так что нужная наша профессия — не напрасно ведь искусство именуют помощником в деле нравственного воспитания...

В театре Плятт работает шестьдесят лет без малого. Имя его обросло множеством легенд. Говорят, Ростислав Янович учит текст со счётами — чтобы не пропустить ни слова. Что он фантастически дотошен в работе. При мне Ростиславу Яновичу позвонили с киностудии — и он педантично выяснял, сделана ли набочка на левый башмак и растянута ли коричневая кофта. А еще сокрушался, что погода идет на лето и может «сгореть» его шапочка с завязками, без которой не видна чудокватость героя (название будущих ролей и фильма Плятт суеверно попросил в интервью не упоминать)

— Ростислав Янович, а каков Плятт-зритель?

— Хороший. Прекрасный! Поэтому меня любят приглашать товарищи, когда сдают спектакль. Я добрый! В чем это выражается? В желании принять работу других.

Вообще влияние зрителей на актёров колоссально. Зал невольно вносит в нашу работу серьезные коррективы. Одна и та же реакция зала может читаться по-разному. Тишина бывает скучающая и заинтересованная. Или кашель: просто гриппозный — или как реакция на явную неудачу.

Но публика — не монолит. Зритель еще надо понять. Я иногда хитрю — выхожу из театра вместе с публикой. Узнаваем я, к сожалению! Но когда удается незаметно влиться в человеческий поток — сразу ощущаешь результат сегодняшнего спектакля: это непременно чувствуется в разговорах, смехе, молчании.

И есть письма зрителей. Письма-исповеди. Они говорят: да, наше искусство нужно Я, когда их читаю, вспоминаю... знаете, у Марецкой в «Сельской учительнице» есть слова о том, что если человеку долго внушать хорошее, то он в конце концов переменится. Станет лучше...

Интервью взяла
Татьяна ИСКАНЦЕВА.